18+

ГЕННАДИЙ БОЛТУНОВ

Ищешь одно, а находишь другое

СТИХИ

Геннадий Болтунов

Ищешь одно, а находишь другое. Стихи

«Издательские решения»

Болтунов Г.

Ищешь одно, а находишь другое. Стихи / Г. Болтунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903925-5

В произведениях настоящей книги отражён накопленный человеческий и духовный опыт, их отличает острая социальная направленность, афористичность.

ISBN 978-5-44-903925-5

© Болтунов Г.
© Издательские решения

Содержание

ПООБЕЩАЛИ КРЫЛЬЯ 8
Думаю, с вами такое бывало 10
РЕГРЕСС ПРОГРЕССА 11
СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ 12
А НЕБО… 13
НЕ ВПИСАЛИСЬ 14
Я – ЧАСТЬ СТРАНЫ 15
ПЕЧАЛЬНО 16
НЕ СКАЗАТЬ ОДНОЙ СТРОКОЙ 17
ОБЩИЕ МЕСТА 18
ЧТО СЛУЧАЕТСЯ – СЛУЧИТСЯ 19
ПОДОРОЖАНИЕ 20
ПРИВЫЧКА 21
СНЕГ НА ГОЛОВУ 22
НОВОЕ ВРЕМЯ 23
ОТКРОВЕНИЕ ОТ БОМЖА 24
ПРЕДНОВОГОДЬЕ 25
КТО? 26
ИЩЕШЬ ОДНО, А НАХОДИШЬ ДРУГОЕ 27
ГЛАВНОЕ, ЧТОБ ПОСТЕПЕННО 28
Божья милость 29
БОЖЬЯ МИЛОСТЬ 30
С УТРА У ГАЛОК 31
АЛЛЕРГИЯ НА СКВОЗНЯК 32
КОМУ ЧЕГО ДАНО 33
У ВРАГА 34
СВЕТ ПОЭЗИИ 35
СКОЛЬЗКИЙ ПУТЬ 36
ЗАКЛЮЮТ 37
РЕЖИССЁР 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Ищешь одно, а находишь другое
Стихи
Геннадий Болтунов

Геннадий Владимирович Болтунов *Фотограф*
© Геннадий Болтунов, 2018
© Геннадий Владимирович Болтунов, фотографии, 2018
ISBN 978-5-4490-3925-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Геннадий Владимирович Болтунов член Российского союза писателей. Живёт и работает в г. Орле, который всё чаще упоминается с титулом литературной столицы. Кроме публикаций в различных сборниках и альманахах имеет одну малотиражную книгу «Слепящая мгла», вышедшую в 1997 году. В 2018 году при содействии интеллектуальной издательской системы Ridero подготовлены и выставлены на продажу книжных интернет-магазинах книги стихов «А это забавно к себе присмотреться», «В детство можно возвратиться» и книжка стихов для детей «Догонялки в небесах».

В произведениях настоящей книги отражён накопленный человеческий и духовный опыт, их отличает острая социальная направленность, афористичность.

ПООБЕЩАЛИ КРЫЛЬЯ

Бездумностью дел мизерных легка,
бескрыла, но с размашистым движением
обыденность укрыла старика
и он почти исчез из поля зрения.

Что делал в этом поле до того? —
Пахал и сеял, доброе, разумное,
но семена иссякли у него,
когда настало времечко безумное.

Бездумностью дел мизерных пронизано,
оно, что снег, нависло над карнизами,
пообещав устроить тем салют,
кого устроит этот Абсолют.

То ли не понял, то ли не признал,
старик стал слеп во времена лихие,
и не узрел, в чём суть, в чём новизна
распада небывалого в России.

Нет, он давно пытался осознать,
ещё когда на белом свете жили
отец любимый и родная мать,
о чём они в недуге затужили,
когда свобода ринулась в дома
и всех накрыла, будто вспышка зноя,
ум подсушив легко до пол-ума,
пообещав всем крылья, за спиною…

Ушли отец, потом и мать вослед,
нет, не легко, но всё-таки взлетели,
оставив на душе тревожный след,
такой, какой бывает у метели.
Все прочие остались, на мели,
которая, возможно, станет благом, —
сданы в лом якоря, а корабли
гуляют по морям не с нашим флагом.

К земле припав, оставшийся народ
разводит, каждый личный огород,
где норовит, обеими руками,
соседу отдарить ненужный камень
исподтишка, но от души ведь, искренне:
пущай отстроит горочку альпийскую…

И ты представь: он строит ведь, стервец,
причём не этот взгорок, а дворец.
Детишкам строит, судя по всему,
пока не канет, каясь никому…

Думаю, с вами такое бывало

РЕГРЕСС ПРОГРЕССА

Наконец-то. В крысу вживили что-то
и командуют поведением.
Только, что ей с того, это мы – идиоты:
ни достойной работы, ни денег.

Эксперимент продолжат.
Вживят человеку новый чип безопасно.
Заживёт, забывая про чувство долга,
поелику команды ясные.

Согласится трудиться за любую зарплату,
отчего-то,
и, однажды, пойдёт он на нашего брата,
доброхота
и, похоже, на сестёр тоже.

Покупать станет то, что выгодно будет,
приоденется,
и хозяев своих, как собака полюбит.
Да куда же он денется!

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Собачья жизнь. – А чем она плоха та?
Подкармливают, со двора не гонят.
Те, что бездетны, любят и блохастых,
ведь каждый хочет кем-нибудь быть понят.
Те, что с детьми, понятно, насторожены,
но и они способны к угощению
уроненным нечаянно мороженным
пса, если тот с примерным поведением.

А НЕБО…

А небо вовсе не монотонно.
Я вижу ангелов, на высоте
летят, и в кипельных все хитонах.
Не помышляют о суете.

НЕ ВПИСАЛИСЬ

Разводить перестали бодягу и
«хайп» разводят теперь, как блажь,
те, которым «до фени» все тяготы,
чьё призвание – ажиотаж.
Словом русский язык похабя,
уж такие теперь «понты»,
поясняют, – объекты «хайпа»
те, что в моде, сиречь —
круты.
Остальные, пусть и достойны
уважения на миру,
величаются просто – «отстоем», —
не вписались знать в их игру.

Я – ЧАСТЬ СТРАНЫ

Народ смолчал вновь, как при Годунове,
чего-то ждал, хотя не знал, чего,
надеясь в большинстве, в своей основе,
на справедливость. Только от кого?

Ведь всплыла шваль, из грязи в князи будто,
рванулась, вместе с бывшими, во власть,
двуликими, но не переобутыми,
чтобы успеть попользоваться всласть.
Пословице: «В семье не без урода»,
был веком предоставлен свой черёд.
Так что ж случилось с «партией народа»,
народа, вовлечённого в разброд?…

Вот и живу теперь ни здесь, ни там,
не понимая, сколько жить осталось
моей стране, разъятой по частям,
я – часть страны, которая распалась…

Давно нет Ленинграда, нет Союза,
растерянно на веси смотрит Муза,
не изменяя, впрочем, мне пока,
но болью преисполнена строка.

Набрал век 21-й обороты,
казалось бы, и жизни стать новей,
но на местах пасутся обормоты,
неведомых Отечеству кровей…

ПЕЧАЛЬНО

Печально я гляжу на наше поколенье…
Михаил Лермонтов

«Печально я гляжу на наше поколенье», —
вслед классику поддакнуть был готов,
но помешало внутреннее зрение,
и вид раскрыто онемевших ртов.
На пир их звали, зреть, как развалилась
империя былая, без войны. —
Такое и сомнамбулам не снилось,
у них хотя бы адекватны сны.
Вынашивал идейку Ален Даллес,
но не дождался, а ведь крепок был,
зато мы промычали и дождались
видения: Держава – на распыл.

А что жалеть, – была тюрьмой народов,
поэтому распалась. – Боже мой!
Забыли вмиг, почуяв дух свободы:
она и при царях была тюрьмой.

Нашли для нас, кто поманил колодой
крапленых карт, любитель пофорсить,
в игру вступили сразу те, поодаль,
науськивать власть старую сносить.

Все в ступор впали, слыша обещанья,
мол, каждому кусок от пирогов,
и прозевали точный миг прощанья
с империей, громившей всех врагов.

Всё склюнули, не различив, где мухи,
поверив, что и мяса будет всем,
нырнули в омут длящейся разрухи
и сами не поймём, теперь: зачем?

НЕ СКАЗАТЬ ОДНОЙ СТРОКОЙ

На одной рябине капли алые,
на другой – с оранжевым оттенком.
В споре мы с тобой, как дети малые,
бьёмся яро, стенкою на стенку.
Уточнять, какой цвет у рябины,
не нужны, по-моему, дубины?

ОБЩИЕ МЕСТА

Правда начиналась с полу-лжи.
До сих пор царапины свежи.
С полуправды начиналась ложь,
исподволь точила острый нож.
Восхищаясь, млела клевета,
занимая общие места.

ЧТО СЛУЧАЕТСЯ – СЛУЧИТСЯ

Что случается – случится,
если это суждено.
Нам бы только научится
погружению на дно.
Но,
не тем всплываем местом,
и встреваем не в тот грай,
занимаемся протестом так,
что тесто через край
выползает,
попытавшись
мир собою удивить.
Наблюдают, кто постарше,
соль пытаясь уловить.

ПОДОРОЖАНИЕ

Разволнованы горожане, —
диктор, золотце, златоуст,
обнадёжил: «Подорожание
будет доллара, а не чувств».
И, чем дальше, тем звонче ржание, —
ожидается подорожание…
Биржа мечется,
люди лечатся,
ставя свечи
за Человечество.

ПРИВЫЧКА

Вполне нормальная привычка
проснуться бодрым и здоровым.
Владеют ею электричка
и конь педальный, и корова,
и человек, везущий тачку,
что просвистел свою заначку, —
про чёрный день не бережёт.
Сражаться может – на кулачках,
идти вперёд, пусть на карачках,
и ржать над жизнью.
Он и ржёт.

Да, ржёт, но он не сумасшедший, —
Ржёт ведь над жизнью лишь прошедшей,
а не над той, что предстоит,
и над которой сам стоит.

СНЕГ НА ГОЛОВУ

Тяжелы сентября облака
потому, что на них тоска,
в тёмно-сером вчера разлеглась
слёзы лить. —
Эй, злодейка, слазь!

Облегчи облака до тучек,
дай поймать ясный солнца лучик,
листьев золото осветлить!
Рано, глупая, слёзы лить!

Ведь листва, полетав слегка,
опадёт. – Вот тогда – тоска,
но не долог её аппетит:
снег на голову прилетит.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Взирает время новое на нас
и на добро глядит недобрым взором…
Данте Алигьери

Век накопил добра златые горы.
Недобрый взгляд, исполненный укора,
взирает дико, глядя на добро.
А бес, балбес, уже залез в ребро.

Простёрся взгляд от края и до края,
горы добра почти не разбирая,
и не пытаясь влезть к нему в нутро. —
Ведь пропасть не означена краями,
поскольку так устроена хитро,
что всё добро покоится на хламе.

Гора добра, за ним и реки в горы,
повсюду раздаются разговоры,
мол, рынок тем хорош, что все вольны.
Своим добром торгуют пацаны,
не веря в то, что были времена,
когда к Добру не клеилась цена.

ОТКРОВЕНИЕ ОТ БОМЖА

Два ящика, да три доски,
да сверху ворох из тряпья. —
Шалаш готов, почти что скит.
Над ним круженье воронья.

Есть крыша – мысли причесать,
найти, что на сердце болит,
светло поплакать, поплясать,
забыв, что ближними забыт.

ПРЕДНОВОГОДЬЕ

Предновогодье.
До встречи в Новом!
Мы ждём сегодня
совсем иного:
чтоб слёзы только
когда смеяться,
притом до колик
(мы все – паяцы).
До края света
смешить друг друга,
как могут это
жара, да вьюга.

– Любви, хорошеньких,
тех, кто приглянется…
Уходит прошлое
и не оглянется.
Сначала шагом,
но ускоряется….
Что было благом нам,
пусть повторяется,
не возвращаясь,
а – по орбите!
Зло – не прощается,
уж, извините.

Мы – люди добрые,
но в том и дело. —
Нельзя, чтоб гоблины
глядели смело.

Мы, ждём сегодня совсем иного.
Ведь есть в природе своя основа:
Подъём спиралью на пик хорошего,
н не стирая границы прошлого.

Живёт – провинция.
Здесь все – провидцы. —
Да и приписаны
к одной больнице.

КТО?

Сколько человечество живёт,
столько человечество гадает,
веруя порою, или зная,
кто явил его, кто призовёт.
И лишь тем, кто перестал гадать,
приоткрыта мира благодать.

ИЩЕШЬ ОДНО, А НАХОДИШЬ ДРУГОЕ

Думаю, с вами такое бывало. —
Ищешь местечко в лесу для привала,
дабы обзор был, но тень прикрывала,
и, чтоб не видеть лесоповала.

Вроде, нашлось оно, это местечко:
с горки видны и дорога и речка,
тень не угрюма, в ней солнца оспинки. —
Вот бы прилечь, поваляться на спинке
на удалении от бурелома.
Рядом, на страже, ёлки в шеломах.

Да, на беду, и маслят там, без счёта.
Отдых не ждут! Вновь работа до пота.

Выступит пот, комарих привлекая:
туча не туча, стая не стая,
но надвигается, стелется низко,
можно оглохнуть от звонкого писка.
Машешь руками, лупишь по коже
собственной, бросив корзину и ножик,
лишь бы быстрее с пригорка скатиться,
там, где водица, речная водица.

ГЛАВНОЕ, ЧТОБ ПОСТЕПЕННО

Над собой чтоб приподняться,
встретив дружеские лица,
отправляюсь я слоняться
и найти, и прислониться,
что к знакомой, что к подружке,
что губами к пене в кружке…

Главное – чтоб постепенно
начинала таять пена.

Божья милость

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

За окошком Божья милость
в виде Солнышка явилась.

С УТРА У ГАЛОК

С утра у галок попрыгалки.
Их крики радостные: «Я», —
не хором и не в перепалке,
разносятся во все края
(не путать с ором воронья. —
Корёжит слух и видом жалки).

Мы, протерев глаза, взираем,
сквозь окна смотрим на галчат:
до полузабытья кричат
и – сольно, не перебивая.

Там каждый «я» своё топорщит
так, что будильникам хоть плачь.
Был палачом бы, взял топорчик,
но я, ни тать и ни палач.

АЛЛЕРГИЯ НА СКВОЗНЯК

Вдруг понимаешь, некому беречь нас.
Борис Рыжий

У меня на сквозняк аллергия,
не могу проходить сквозняком,
где спокойно проходят другие,
не жалея почти ни о ком.

КОМУ ЧЕГО ДАНО

Одни метут, скребут, все протирают
два раза за день и моют пол до дыр,
но, за окном творится что, не знают.
Им некогда взглянуть на Божий мир.
А у других – порядок. Вот дела!
Всё успевают, все идёт в поделки.
Хотя и попадают в переделки,
такие же, такого же числа.

У ВРАГА

В снега ушла округа,
беснуется пурга.
Решил, снимаю угол
у своего врага.

Не стоит сомневаться.
Лишь назову цену,
куда ж ему деваться?
Забудет про войну.

За мировую дёрнем,
он зачехлит ружьё.
Враг не бывает вздорным,
не друг же, ё-моё.

СВЕТ ПОЭЗИИ

Свет поэзии настоящей
почему-то доходит чаще
запоздало. Как и от звёзд.
Галактический путь не прост. —
Световыми годами меряется.
Потому и не сразу верится
в свет, мерцающий со страниц,
нет желания падать ниц.

Объясняется просто
всё вечное
осознает душа беспечная
ближе к звёздам, у края предела,
отрываясь уже от тела…

СКОЛЬЗКИЙ ПУТЬ

Покатываюсь от смеха,
извечная голь перекатная:
всю жизнь я куда-то ехал,
ха-ха, – а кольцо—то возвратное.
Не назову змеиным,
но скользким был путь по спинам.

Был скользким, и был покатым.
А вот и Парнаса подножье.
Встречают кого-то с плакатом:
Великая сила Божья.

ЗАКЛЮЮТ

Бездомным
он построил бы приют,
но обзовут нескромным,
заклюют.

РЕЖИССЁР

Памяти А. А. Карпова

В былые дни и я играл в спектаклях.
Умел, порой, срывать аплодисменты,
при помощи партнёров.
Их срывали
совсем не так, как овощи на грядке.

Мы не боялись их перерастания
в овации
к концу комедиантства.

Они росли, аплодисменты эти,
из зёрен, что посеяли актёры
с пролога начиная представленья,
где режиссёр для зрителей незримо
присутствовал,
стоял-то за кулисой.

Когда актёры покидали сцену,
затем, чтоб выйти к зрителю с поклоном,
он выходил, игрою обречённый
на тот успех, который с ним разделим.

А что он делал?
Лишь вручал нам зёрна
и только,
что потом на землю лягут.
До этого годами, изнурённо
готовил почву, дабы быть посеву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.